

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника отдела этнографии восточных славян и народов европейской части России федерального государственного бюджетного учреждения науки Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) Российской академии наук на диссертацию Осипова Александра Аркадьевича «Свадьба верховых чувашей: взаимодействие обряда и музыки», представленную на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 - Этнография, этнология, антропология

Свадьба – это санкционирование двумя экзогамными родами создания новой семьи девушкой и парнем. Брак подразумевает обязательный переезд невесты в дом жениха или в дом его отца. Таким образом, совершается обряд перехода в жизни молодых людей. Безбрачие считается отклонением от нормы, так как момент и обряд свадьбы важны не сами по себе, а как прелюдия к появлению детей. Свадьба вбирает в себя лучшие традиции семьи.

И по факту, и по теоретическому раскладу представленная диссертация является первым монографическим опытом изучения взаимодействия народной музыки и традиционной чувашской свадьбы. На самом деле мы имеем междисциплинарное исследование с превалированием этнографического осмысления феномена. В данном случае Александр Аркадьевич ограничивается материалами, отражающими повседневную культуру верховых чувашей.

«Изучение обрядовых комплексов на разных исторических этапах позволяет проследить динамику трансформационных явлений и представляет значительный научный и практический интерес. Современное общество нуждается в новых ориентирах, маркерах духовного развития и этнокультурной самоидентификации народов... Актуальность данного исследования объясняется необходимостью изучения и сохранения для потомков знаний о традиционной свадебной обрядности» (с., 3). Действительно, трансформация явлений традиционной культуры всегда имеет динамику, т.е. чувашскую свадьбу следует рассматривать во времени. Поэтому в диссертации используется термин «динамика», а автор сумел ее показать. По сути, трансформация и есть динамика, т.е. инновация. А любая инновация через некоторое время может стать традицией. Поэтому не все трансформации заряжены негативно. Заявленное положение продемонстрировано в работе на конкретных примерах.

Следует иметь в виду раздельность мужской и женской частей чувашской свадьбы, т.е. родня жениха и родня невесты вначале гуляют по отдельности, но в один день. На другой день мужская свадьба едет в дом отца невесты и привозит ее с приданным. В доме отца и родственников жениха происходит совместная (основная)

свадьба. В этом отношении к чувашской свадьбе близки свадьбы казанских татар и осетин. Например, осетины принадлежат к числу тех народов, у которых свадьба справляется дважды. Сперва в доме родителей невесты устраивается предварительная свадьба (в этнографии она называется малой), а затем в доме родителей жениха следует основная свадьба (называется в этнографии большой).

Свадьба по-чувашски — *туй*. В более широком смысле означает «праздник, пир, веселье». Однако этот термин не относится к женской (малой) свадьбе. Верховые чуваша для свадьбы, проводимой родней невесты отдельно, используют термин *шилёк*, а для мужской свадьбы — *туй*. В низовом (литературном) диалекте различают мужскую свадьбу (*арсын туйё*) и девичью свадьбу (*хёр туйё*), а также совместную свадьбу и свадьбу в целом (одинаково — *туй*). Прав Н.И. Золотницкий, утверждавший, что этимология слова *авлан* «жениться» означает «одомиться». Понятие «выйти замуж» в буквальном значении — «идти за пария» (*качча кай*).

Исследователи подтверждают аналогичность чувашской свадьбы горномарийской, мордовской, удмуртской и казанско-татарской свадьбам.

Структурно свадьбу можно разделить на три блока: досвадебные обряды, собственно свадьба и послесвадебные обряды. Конечно, по структуре свадебная обрядность строго последовательна и регламентирована. Исследователи также проводят аналогию между структурами свадьбы и богатырской сказок.

Александр Аркадьевич справедливо замечает, что в традиции элементы обряда и музыки находились в неразрывной синкретической связи. Поэтому изучение их в отрыве от цельного объекта не даёт объективной картины явления. Фактически диссертация посвящена этой цели — анализу единства обрядового действия и народной музыкальной культуры.

Диссертацию предваряет глубокая и всесторонняя историография обсуждаемой темы. Анализируя публикации своих предшественников, автор диссертационного сочинения приходит к выводу, что было собрано большое количество информативного материала, а научная систематизация и исследование свадебной обрядности во взаимодействии с народной музыкой проводилась спорадически. Называются труды С.М. Михайлова, Н.И. Золотницкого, В.А. Сбоева, В.К. Магницкого, Н.И. Ашмарина, а также П.В. Денисова, П.П. Фокина, Л.А. Таймасова и других.

В первых записях свадебных песен, произведённых Ф.П. Павловым, были зафиксированы напевы с квинтовой транспозицией, являющейся характерным признаком мелодий *вирьял*. В теоретических работах С.М. Максимова сделаны важные выводы по ритмике и звукорядам, в том числе и свадебных напевов. С.М. Максимова

принадлежит открытие ритмической ячейки в структуре чувашской народной песни. Мелодии разных этнических традиций сводились в одну группу, поскольку до второй половины XX в. средненизовая традиция, особенно в языке и костюме, не выделялась в отдельную составляющую. В сборник «Песни верховых чувашей», изданный в 1931 г., С.М. Максимов без оговорок включал напевы средненизовых чувашей, что приводило к игнорированию отдельных явлений.

В связи с задачей диссертации соискатель основательно изучил наследие Ласло Викара и Габора Берецки. Особо указывает Александр Аркадьевич на наблюдение Ласло Викара об автономности северного и южного музыкальных стилей у чувашей.

Основные аспекты чувашского музыкального фольклора изучены доктором искусствоведения М.Г. Кондратьевым. На основе эмпирических элементов им разработана система квантитативной ритмики чувашской народной песни. Как утверждает Михаил Григорьевич, важным положением является синкретическое единство музыки, поэзии и танца до их обособления как вполне самостоятельных искусств.

Особо отмечает диссертант значение работ Е.А. Ягафовой, в которых впервые проведен анализ этнографических и территориальных групп чувашей с выделением типов и локальных вариантов. В качестве дифференцирующих критериев традиции Екатерина Андреевна привела наличие или отсутствие сегмента гостевания жениха и невесты у своих родственников, функции свадебных персонажей, виды музыкального и вербального фольклора, диалектологию терминов. В ее трудах, как подчеркивает соискатель, ценна идея о церемониальных посредниках между родственниками жениха и невесты (*хй́матлӑх*, *евчӑ* и *вӑй кил пуç*), а также о существовании традиции *шылӑк* первоначально у всех этнографических групп чувашей.

Соискатель широко пользовался архивными и опубликованными источниками. Собственные полевые материалы автора составили надежную основу для выявления общих и особенных черт свадебной обрядности и музыкальной составляющей у чувашей *вирьял*. Материал собирался им в течение многих лет – с 70-х гг. прошлого века по сей день.

В главе о персонажах и ритуальном месте свадебного обряда автор, в основном, анализирует основное отличие чувашей *анатри*. Речь идет о сакральном месте *шилӑк*. Среди основных персонажей особое внимание уделяется разбору личности и функций главы свадьбы *туй пуç*, старшего дружки *мӑн кӑрӑ* и посаженного отца *хй́матлӑх*. На высокопрофессиональном уровне рассмотрены музыканты *вӑйçӑ*. Александр Аркадьевич считает их важными персонками при проведении обрядовых действий. Они

на свадьбах широко пользовались волынкой *шӑпӑр*, скрипкой *сӑрме купӑс*, барабаном *параппан*, колокольчиками *шӑнкӑрав*. «Во второй половине XIX века волынка и скрипка начинали вытесняться гармоникой *хут купӑс*» (с. 29). Вполне оригинальны и достоверны наблюдения диссертанта о роли колдуна *тухатмайи* на свадьбе чувашей *анатри*. Если колдуны обычно занимались порчей и насылали недуги, то на свадьбах, при надлежащем к ним обращении, играли роль охранителей как всей свадьбы в целом, так и жениха и невесты как раз от порчи. Известно, что колдуны любят угощаться. Поэтому, зачиная свадьбу, не надо забывать пригласить его к столу. Иначе не миновать промахов. Например, лошади из свадебного поезда не смогут въехать во двор. Тогда вспоминали колдуна и приглашали его на свадьбу. В целом, в диссертации рассуждения о колдуне в контексте обрядовой музыки получились весьма оригинальными и содержательными. Можно даже сказать, что совершенно новыми.

В диссертации солидное место уделено анализу места проведения значимой части свадьбы верховых чувашей, роли народных музыкальных инструментов и музыки в целом в них. Называется такой локус *шилӑк*. У термина имеется множество фонетических и лексических вариантов. Это – площадка в глубинной части двора, как в доме невесты, так и в доме жениха. Но нюанс в том, что термин обозначает как само действие, так и площадку во дворе, включающий пространство в передней части лабаза или сарая. Тут, как правильно сказано в диссертации, устраивается П-образный стол для размещения стариков и родителей молодых. Непременным атрибутом является установленное у *шилӑк* дерево, притом с корнем. Обычно – береза. Кроме молений и угощений, это было местом исполнения ритуальных песен и танцев. Следует признать, что обрядовое действие и П-образный стол из досок во дворе в настоящее время больше распространено именно среди чувашей *вирьял*.

Глава о музыкально-хореографических элементах в традиционной свадебной церемонии Александром Аркадьевичем написана на высокопрофессиональном уровне. Делается акцент на динамике (трансформации) роли музыки на тех или иных этапах свадьбы *вирьял*. «Исполняя предназначенные наигрыши на музыкальных инструментах в соответствующих эпизодах обряда, они вводили участников в необходимое психологическое состояние, связанное с сакрализацией территории, на которой производилась церемония» (с. 43). Центральным и ярким элементом свадьбы являлся традиционный плач невесты (*хӑр йӑрри*, *хӑр хӑххи*).

Проблематике музыкально-хореографических элементов в условиях трансформации структуры свадебной обрядности чувашей *вирьял* посвящена отдельная глава. «Динамика социально-экономических изменений XX в., особенно

коллективизация сельского хозяйства, оказали разрушительный фактор традиционной культуре этноса», – констатирует Александр Аркадьевич. С данным тезисом, увы, приходится соглашаться. Вместе с образованием колхозов уходит в Лето семейно-родовая обработка земли, а вместе с ней – и основные семейные и родовые обрядовые действия и верования. В том числе – стержневые традиции свадебных обрядов, включая музыкальное сопровождение. Диссертант так и пишет: трансформации разрушили, в первую очередь, структуру (т.е. основу) свадебной обрядности. Деревенская свадьба постепенно переселяется в клубы, дворцы культуры, кафе и рестораны. В том числе почти угас институт сватовства. Напрочь уходит плач невесты. Место старшего дружки *ман кёрү* занимает тамада или культпросветработник из Дома культуры. Отодвигается на задний план *шилёк*. Участники свадьбы и все родственники молодоженов вовсе забывают о таком значительном для родственных связей обряд, как *таварна*. Тем более, если молодожены и их родители живут в географической отдаленности. С приходом православия и проникновения в деревни городской культуры из практики вытесняются волынка *шайнар* и скрипка *сёрме купас*. В начале XX в. в чувашскую свадьбу и в жизнь чувашей врывается гармоника *хут купас*. Трансформации благоприятно сопутствуют советизация и православное оформление всех праздничных мероприятий. Тем не менее, чувашская свадьба и сегодня не теряет свое лицо. Например, свадебные напевы чувашей в своей основе силлабичны, создаётся силлабичность за счёт внутрислоговых распевов.

Диссертация завершается Заключением, где изложены основные выводы, полученные в ходе исследования.

Замечания.

1) На некоторых страницах диссертации, увлекшись толкованием тех или иных элементов обрядовой музыки, автор сочинения уходит от непосредственной темы, а затем опять возвращается. А автору этого отзыва хотелось бы, чтобы диссертант все время шел по заданной тематике в узком смысле. Хотя без сравнений и пассажей, видимо, не обойтись.

2) Во второй главе, посвященной музыкальным особенностям свадьбы *вирьял*, автор несколько увлекся анализом структурных особенностей и оставил в тени собственно музыкально-хореографические эпизоды.

3) Соискатель пишет «божество *киреметь*» (с. 125). Согласно легендам, божества *Киремет* и *Туря* жили на небе и приходились друг другу братьями (близнечный миф?). Одни тексты называют *Киреметя* старшим, другие – младшим. Из источников выясняется, что *киреметей* множество. Рассказывают, что *Туря* прогнал *киреметей* с

неба за недобрые поступки. Таким образом, они упали в овраги и на поля и остались там жить. Поэтому при повествовании о конкретной персоне пишем с прописной буквы, а когда в собирательном смысле - со строчной. Что касается написания с мягким знаком в конце слова, т.е. *Киреметь*, то эта форма пришла из дореволюционной литературы, т.е. из публикаций до появления чувашского алфавита, когда русскоязычные авторы хотели указать на мягкость произношения согласных звуков. Такой необходимости в чувашском языке нет, ибо согласный звук, следующий за гласным звуком, смягчается, и мы пишем *Киремет*, а произносим конечный согласный звук слегка смягченно благодаря предыдущему гласному звуку *е*. Таков закон чувашской орфоэпии.

Мои дискуссионные замечания и предложения не влияют на теоретические результаты исследования и не снижают ее качества. Они высказаны с целью дальнейшего повышения качественного уровня разрабатываемой тематики. Возможно, мои замечания послужат расширению проблематики взаимоотношений «обряд – музыка» в целом.

Диссертация выполнена на высоком научном уровне. Обсуждаемый труд актуален, защищаемые в нем положения обоснованы и новы. Исследование имеет научно-практическое и социальное значение. Наиболее сильной стороной диссертации является аргументированное обоснование, толкование и анализ музыкальной составляющей свадьбы чувашей *вирьял*. Содержание работы обосновано историческими фактами и имеет высокую степень аргументации. Полученные в ходе исследования выводы достоверны. Плагиат, т.е. заимствование чужих мыслей без ссылок, не обнаружил.

Опубликованные соискателем работы и автореферат отражают основные положения и выводы диссертационного сочинения.

Вывод:

По поставленной цели и решенным задачам, примененной методологии, источниковой и историографической базе научное исследование Осипова Александра Аркадьевича «Свадьба верховых чувашей: взаимодействие обряда и музыки» соответствует специальности 07.00.07 – Этнография, этнология, антропология и отвечает требованиям ВАК Положения о присуждении ученых степеней. Обсуждаемая диссертация является актуальной, самостоятельной и логически построенной научно-квалификационной работой. В силу изложенных аргументов автор диссертационного исследования Осипов Александр Аркадьевич

заслуживает присуждения ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.07 – Этнография, этнология, антропология.

Официальный оппонент

15.VIII. 2019

А. К. САЛМИН
ЧИСШЕГО ОБЩ.

Автор отзыва: доктор исторических наук, шифр специальности – 07.00.07, ведущий научный сотрудник Салмин Антон Кириллович

Место работы: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Музей антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН»

Должность: ведущий научный сотрудник отдела этнографии восточных славян и народов Европейской России

Рабочий адрес: 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 3

Рабочий телефон: 8(911) 9433645

E-mail: antsalmin@mail.ru